

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

С. В. АЛЕКСЕЕВ

Литературные и археологические источники о крещении Новгорода

Крещение Новгорода «огнем и мечом» давно стало хрестоматийным примером при изложении истории крещения русских земель в 988–989 гг. при князе Владимире. Ничего удивительного в этом нет: это единственный пример, который можно приводить в подтверждение концепции «насильственного крещения», ставшей практически общепринятой в отечественной науке советского периода. По сути, нет практически никаких материальных подтверждений (пожарища, бегство или гибель населения и т. д.) массового характера общественных катаклизмов, будто бы сопровождавших крещение. Даже языческие святилища на периферии Руси функционировали еще спустя столетия¹. летописи сообщают о мятежах, поднимаемых приверженцами старой веры, и о репрессиях против них как о событиях исключительных, и происходивших — что достойно замечания — уже в XI и последующих веках.

На базе основной массы письменных и археологических источников складывается

ощущение мирного и отчасти формального принятия крещения горожанами в 988 г. Оно происходило

под несомненным воздействием верховной власти, но как будто не сопровождалось ни репрессиями, ни массовыми силовыми протестами. Следует, кстати, помнить, что речь идет еще о полупервобытном обществе, где оружие, в общем, имелось в доме каждого свободного «мужа». Возможностей для массового мятежа было достаточно — но его не произошло. Однако считается, что известие Иоакимовской летописи XVII в. о крещении Новгорода разрушает эту идеализированную картину. Проанализируем же всю сумму летописных сообщений о крещении Новгорода.

Самый древний рассказ о крещении Новгорода находим в Новгородской первой летописи младшего извода (Н1Лм). Этот рассказ находится в той части летописи, которая заимствована из киевского Начального свода второй половины XI в.², хотя чаще всего рассматривается исследователями как

¹ См. обобщающую работу о славянских языческих капищах: Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища восточных славян. М., 1993.

² См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947; Тихомиров М. Н. Начало русской историографии // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

новгородская вставка в него. По уже высказывавшемуся нашему мнению¹, вполне возможно использование новгородской традиции уже Начальным летописцем. Этот вывод можно распространить и на рассказ о новгородском крещении. Скорее в пользу этого свидетельствует и отсутствие (полное отсутствие) сообщений о крещении второго по значимости города в «Повести временных лет» (ПВЛ) начала XII в. Используя Начальную летопись, но пренебрежительно относившийся к новгородцам, автор ПВЛ, вероятно, проигнорировал сведения предшественника об их крещении как маловажные. При любом решении вопроса, первенство и древность рассказа ПИЛм не вызывает сомнения. К нему в летописи искусственно присоединены перечни князей, епископов, посадников и др. Они последовательно дополнялись в XIII-XV вв., но древнейшие составлены не позднее 1167 г.² Таким образом, рассказ имелся уже в новгородском летописании XII столетия. Повторим, мы полагаем, что он был воспринят, как и весь предшествующий и последующий (кроме указанных списков) текст из общегосударственной Начальной летописи.

Вот рассказ о крещении Новгорода из ПИЛм:

«В лето 6497. Крестися Володимиръ и вся земля Руская; и поставиша в Киеве митрополита, а Новуграду архиепископа, а по иным градомъ епископы и попы и диаконы; и бысть радость всюду. И прииде къ Новуграду архиепископъ Аким Корсунянинъ, и требища разруши, и Перуна посече, и повеле влещи его в Волхово; и поверзъше уже, влечаху его по калу, биюще жезлеемъ; и заповеда никому же нигде же не прияти. И иде пидьблянин рано на реку, хотя горьници вес-

ти в город; сице Перунъ приплы къ берви, и отрину и шистомъ: “ты, рече, Перунице, досыти пиль и яль, а ныне попллови прочь”; и плы со света окошьное»³.

Как видим, здесь нет данных о насильственном характере крещения и каких-либо конфликтах. Власть, как и в Киеве, призывает «не прияти» сверженного и опозоренного идола — и призыв этот услышан. Гончар из Пидьбы (села под Новгородом) посрамляет павшего бога, что встречает, разумеется, полное одобрение летописца. В такой картине, заметим, нет ничего недостоверного, — «аристократический» государственный культ Перуна был навязан Новгородчине из Киева в качестве основного лишь за несколько лет до того. Об этом речь в летописи шла ранее⁴. Заметим, что и тогда не говорится о каких-либо беспорядках и конфликтах («и жряху ему люди новгородьстии аки богу»).

В следующей по времени после Начальной летописи — ПВЛ начала XII в., как уже было сказано, речь о крещении Новгорода не идет вообще. Примечательно, что отсутствуют и те данные из вышеприведенной статьи 6497 г., которые не могли не присутствовать в первоначальном рассказе о крещении Руси — сведения об учреждении иерархии во главе с митрополитом. Это еще один аргумент в пользу того, что рассказ из ПИЛм принадлежит создателю Начальной летописи. В ПВЛ же по указанным ранее причинам была выпущена вся данная летописная статья.

Ряд известных собственно новгородских летописцев о крещении Новгорода открывает, по всей вероятности, статья из Софийской первой летописи старшего извода (С1Лс). Использование составителем этого общерусского свода (в настоящее время убедительно датируется 1418 г.⁵) более ранних новгород-

¹ Начальная летопись. М., 1999. С. 98–99.

² Начальная летопись. С. 136.

³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 3. М., 2000. С. 159–160. Перевод данного фрагмента см.: Начальная летопись. С. 59–60.

⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 128.

⁵ Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV века // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 46. СПб., 1993. С. 7–11; Клосс Б. М. Второе предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. XI–XIII.

ских источников не вызывает особых сомнений. В одном из двух списков С1Ас¹ и во всех позднейших версиях свода имеется название «Софийский временник», явно связанное с новгородской Софией. Отсюда, кстати, и ставшее общепринятым название летописи. Ее источником, очевидно, наряду с другими, явился свод новгородского владычного летописания XII–XIV вв.

В этой епархиальной новгородской летописи («Софийском временнике») имелся, конечно, и рассказ о крещении, несколько отличный от Н1Ам. Приводим его далее:

«В лето 6497. Крестився Владимиръ и взя у Фотия патриарха царягородского единого митрополита Киеву Леона, Новугороду архиепископа Акыма Корсунанина, а по иным градомъ епископы и попы и диаконы, иже крестиша всю землю Рускую; и бысть радость всюду. И прииде Новугороду архиепископъ Акимъ, и требища разори, и Перуна посече, и повеле влещи в Волховъ; и поверзавше уже, влечухуть и по калу, биюще жезлемъ и пихающе. И в то время вшесть бяше в Перуна бестъ: “О горе! Охъ мне! Достяхся немилостивымъ симъ рукамъ”. И вринуша его в Волховъ. Он же плывя сквозе великы мостъ, (верже и палицу свою и рече: “На семъ мя поминаютъ новгородскыя дети”). Ею же и ныне безумнии, убивающеса утеху творять бесом. И заповеди никому же нигде не переяти его. И иде пидьблянин рано на реку, хотя горнеци вести въ градъ; оли Перунъ приплы къ берви, и отрину и шистомъ: “ты, рече, Перушице, до сыти еси пиль и яль, а нынеча попллови прочь»; и плы света окошьное”².

В этом тексте имеются две существенные вставки по сравнению с предыдущим рассказом. Во-первых, введена известная, но недоверенная легенда о крещении Владимира

при патриархе Фотии (жившем в IX в. и причастном к первому крещению Руси). В связи с Фотием называется первый митрополит Леон, ранее известный в основном по митрополичьим перечням. Вторая вставка относится к рассматриваемой нами теме. Летописец ввел известный ему фольклорный сюжет (довольно популярный среди новгородцев) о проклятии Перуна, из-за которого начались вечевые побоища на мосту через Волхов. Этот миф (сложившийся, как видим, уже в эпоху раздробленности) ничего не добавляет к картине крещения — хотя, несомненно, свидетельствует о страхе вчерашних язычников перед своим повергнутым божеством.

С легкой руки создателей общерусского летописного свода («Софийско-Новгородского») 1418 г. именно эта редакция рассказа попала в подавляющее большинство позднейших русских летописей, в том числе и в новгородские — Новгородскую II, Новгородскую III и др. Изменения, вносившиеся в текст, оказались незначительны. Самым существенным оказалось дополнение общерусского Сокращенного летописного свода 1495 г. После рассказа о крещении Владимиром киевлян здесь добавлено: *«а Добрыню посла в Новъгородъ»*³. Хронограф 1512 г. добавляет, зачем был послан Добрыня: *«и тамо повеле крестити всехъ»*⁴. Можно полагать, что до конца XVI — начала XVII в. дожили предания о крещении новгородцев Добрыней. Хотя, с другой стороны, нельзя не отметить, что это мог быть и домысел московских летописцев, знавших, что Добрыня при Владимире управлял Новгородом. Их вывод (если это именно вывод, а не свидетельство предания), подчеркнем, выглядит и на наш взгляд вполне достоверно. Уже совершенно явными домыслами выглядят по-

¹ ПСРА. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 11. Прим. 67.

² ПСРА. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 105–106. Фрагмент, заключенный в скобки, восстановлен по списку Царского — позднейшей редакции С1А. В обоих сохранившихся списках старшего извода он пропущен, явно по небрежности еще их протографа.

³ ПСРА. Т. 27. М., 1962. С. 314.

⁴ ПСРА. Т. 22. СПб., 1911. С. 367.

зднейшие сообщения Никоновской летописи, приписывающей Добрыне, будто бы сопровождавшему самого митрополита, крещение едва ли не всего севера Руси.

Ярко выделяется на фоне многочисленных переработок повествования СЛс лишь один текст — фрагмент Иоакимовской летописи, с упоминания о которой мы начали настоящую статью. Чуть ниже мы вернемся к проблеме датировки и подлинности этого памятника. Здесь подчеркнем, что в дошедшем до нас виде летопись, дошедшая только в составе «Истории» В. Н. Татищева, была составлена не ранее последней четверти XVII в. Нечего и говорить, что первому новгородскому епископу Иоакиму, за пересказ повествования которого выдал свой труд неизвестный летописец, источник текста принадлежать не мог. Достаточно сказать, что крещение Руси связывалось в нем с именем болгарского царя Симеона, умершего за несколько десятилетий до вокняжения Владимира. О крещении новгородцев Иоакимовская летопись сообщает следующее:

«В Новеграде людие, уведевше еже Добрыня идет крестити я, учиниша вече и заклаяшася вси не пустити во град и не дати идолы опровергнути. И егда приидохом, они, разметавше мост великий, изыдоша со оружием, и асче Добрыня пресечением и ладными словы увесчевая их, обаче они ни слышати хотяху и вывесше 2 самострела великие со множеством камня, поставиша на мосту, яко на сущия враги своя. Мы же стояхом на торговой стране, ходихом по торжисчам и улицам, учахом люди, елико можахом. Но гиблючим в нечестии слово крестное, яко апостол рек, явися безумием и обманом. И тако пребыхом два дни, неколико сот крестя. Тогда тысяцкий новгородский Угоняй, езда повсюду, вопил: “Лучше нам помрети, неже боги наша дати на поругание”. Народ же оная страны, разсвирипев, дом Добрынин разориша, имение разграбиша, жену и неких от сродник его избвиша.

Тысецкий же Владимиров Путята, яко муж смысленный и храбрый, уготовав лодиа, избрав от Ростовцев 300 муж, носчию перевезеся выше града на ону страну и вшед во град, никому же пострегну, вси бо чаяху своих воев быти. Он же дошед до двора Угоняева, онаго и других предних мужей ят и абие посла к Добрыне за реку. Людие же страны оные, услышавшее сие, собрашася до 5000, оступиша Путяту, и бысть между ими сеча зла. Некия шедше церковь Преображения Господня разметаша и дома христиан грабляху. Даже на разсвитании Добрыня со всеми сущими при нем приспе (и повеле у брега некие дома зажесчи, чим люди паче устрашении бывшее, бежаху огнь тушити; и абие) преста сечь, тогда преднии мужи просиша мира.

Добрыня же, собра вои, запрети грабление и абие идолы сокруши, древянии сожгоша, а каменнии, изломав, в реку вергоша; и бысть нечестивым печаль велика. Мужи и жены, видевшее тог, с воплем великим и слезами просясче за ня, яко за сущие их боги. Добрыня же, насмеяхаяся, им весча: “Что, безумнии, сожалеете о тех, которые себя оборонить не могут, кую помось вы от них чаять можете”. И посла всюду, объявляя, чтоб шли ко кресчению. Воробей же посадник, сын Стоянов, иже при Владимире воспитан и бе вельми сладкоречив, сей идее на торжисче и паче всех увесча. Идоша мнози, а не хотясчих креститися воины влацаху и кресцаху, мужи выше моста, а жены ниже моста. Тогда мнозии некресчении поведаху о себе кресченными быти; того ради повелехом всем кресченым кресты деревяннии, ово медяны и каперовы на выю возлагати, а иже того не имут, не верити и крестити; и абие разметанную церковь наки сооружихом. И тако крестя, Путята иде ко Киеву. Сего для людие поносят новгородцев: Путята крести мечом, а Добрыня огнем»¹.

Нами приведен текст по черновой рукописи, в которой Татищев копировал достав-

¹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 1. М., 1994. С. 112–113, 398 (приведен текст по черновой рукописи Б).

шийся ему летописный памятник. Слова, заключенные нами в скобки, вероятно, были пропущены по небрежности и восполнены на поле — без них в тексте явная лакуна. После слова «каперовы» в рукописи есть примечание Татищева, предлагающего перевести как «оловянные».

К Иоакимовской летописи вообще и к этому, наиболее известному ее свидетельству в частности, в науке существует прямо противоположное отношение. Одни исследователи видят в Иоакимовской совершенно адекватный источник и, подчас без каких-либо оговорок, пишут о «восстании» новгородцев против крещения¹. С другой стороны, некоторые источниковеды высказывали решительные сомнения в подлинности источника вообще, предлагая видеть в нем полностью или частично творчество самого В. Н. Татищева². Большинство исследователей, впрочем, признали подлинность сохранившегося текста Иоакимовской, идентифицируя ее как новгородский памятник конца XVII в.³ Разделяя этот подход, автор этих строк пришел к выводу об использовании в Иоакимовской летописи наряду с устными преданиями также сказания о крещении Руси, созданного в Новгороде примерно в третьей четверти XIII в. Из него почерпнуты сведения об истории Киевской Руси. Именно это сказание автор конца XVII столетия, скорее всего, принял за летопись Иоакима⁴. Возможно, этому поспособствовало удержанное и в поздней переработке первого лица «мы» при описании крещения новгородцев.

Тем не менее, сам факт вмешательства Татищева в сохраненный им текст налицо. Свои предположения и домыслы, пусть не слишком многочисленные, он смело вносил в ле-

тописное повествование. В этом можно убедиться, сопоставив черновик «Истории», то есть непосредственную копию летописного текста, с белой Воронцовской рукописью. Рассматриваемый фрагмент, будучи переписан набело, претерпел следующие изменения. Не совсем, видимо, уместные, на его взгляд, в этом контексте «самострелы» Татищев заменил древнерусским словом «пороки», а в речи Добрыни, обращенной к новгородцам, «помосчь» почему-то стала «пользой». Мира новгородские «мужи» теперь просят, «пришедше к Добрыне». Самое загадочное добавление — целая фраза после описания «пороков»: «Высший же над жрецы славян Богомил, сладкоречия ради наречен Соловей, вельми претя люду покоритися». Это явно чужеродная вставка в текст, где вождем восстания выведен Угоняй, и именно его захватывает в заложники Путьяга. Можно догадаться, что Татищев счел уместным поставить во главе восставших жреца. Но откуда он взял его имя (точнее, два имени), мы не можем и догадываться. В любом случае, проблема эта имеет больше отношения к истории исторической науки XVIII в., еще во многом стоявшей между летописью и романом, чем к истории крещения Руси.

Итак, вмешательство В. Н. Татищева в текст сравнительно невелико. Но и признание этого факта не делает Иоакимовскую летопись безусловно достоверной. Еще Н. М. Карамзин считал, что вся история крещения новгородцев — лишь развернутый домысел вокруг присловья туманного происхождения. Даже признавая наличие в основе Иоакимовской подлинных преданий, зафиксированных к тому же впервые еще в XIII в., мы не можем отрицать противоречий и несо-

¹ См. например: Толочко П. П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 73, где не указывается даже источник сведений.

² Ср. наиболее сдержанный вариант такой оценки: Моргайло В. М. Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // Археографический ежегодник. М., 1963.

³ Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 50–53; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. С. 47–50.

⁴ Алексеев С. В. Источники Иоакимовской летописи // Историческое обозрение. Вып. 3. М., 2002.

образностей имеющегося текста. Есть в нем и явно малодостоверные детали. Откровенную нелепость встречаем уже в самом начале: как могли новгородцы поставить свои «самострелы» «на мосту», который только что сами «разметаша»? Или они построили его снова — навстречу Добрыне? Кстати, именно под этим мостом — целым и невредимым, проплывал, как мы помним, Перун в С1Ас. Само наличие в Новгороде двух камнеметов, кстати, вызывает некоторые сомнения. Хотя осадная техника славянам была известна уже с конца VI в., но строили ее, как правило, в походах на месте осады, а не хранили в мирное время в городах. Об оборонительном использовании камнеметов до того на Руси ничего неизвестно, тем более на севере Руси.

Весьма странным выглядит использование как опоры в крещении Новгорода 300 ростовцев. В Ростове и его округе новая вера утверждалась с трудом и уже в XI — начале XII вв. Наличие в Новгороде 5000 боеспособных горожан в конце X в. тоже можно подвергнуть сомнению. Нет ни письменных, ни археологических подтверждений существования в Новгороде до крещения церкви Преображения Господня, хотя факт исключить нельзя. Согласно всем источникам, идол в главном Новгородском капище был один — деревянный Перун. Это подтверждается и раскопками на месте капища (Перынь). Здесь же говорится о большом числе идолов, в том числе о каменных. Ни тысяцкий Угоняй, ни посадник Воробей Стоянович не упоминаются в других источниках. При этом «посадником» в X — XI вв. титуловался княжеский наместник в Новгороде, а иногда и новгородский князь. Совершенно очевидно, что посадником в описываемое время был Добрыня, а не некий Воробей. Что касается Путяты, то о его существовании можно судить лишь на основании присловья, приводимого в конце отрывка. Нельзя при этом забывать, что Путятой звали одного из представителей новгородской по происхождению боярской династии Остромировичей в XI в., и именно отсюда имя могло попасть

в фольклор (в том числе в предания и былины о Добрыне).

Тем не менее, уже давно некоторые находки Новгородской археологической экспедиции в слоях конца X в. сопоставлены с известием Псевдо-Иоакима о крещении «огнем». Мы можем полагать, что автор XIII и затем конца XVII в. опирался на подлинную историческую традицию, в основе которой лежали реальные факты. Но, тем более признавая некоторую силу документа за Иоакимовской, мы должны довериться ее свидетельству в целом. А оно достаточно однозначно. Вспомним, что именно сказано в Иоакимовской летописи о происхождении присловья: «того для люди поносят новгородцев: Путята крести мечем, а Добрыня огнем». Кто же мог «поносить» новгородцев, если бы вся Русь была крещена насильственно, «огнем и мечем»? — очевидно, что никто. Представляется, что как раз Иоакимовская летопись является решающим свидетельством против подобных утверждений. Новгород, где произошли какие-то столкновения, явно стал исключением из общего правила, что и привело к появлению в антиновгородских кругах (возможно, в Киеве) «поносного» присловья.

Мы не можем судить о конкретных обстоятельствах появления текста новгородского первоисточника Иоакимовской летописи в XIII в. Но ясна одна из его тенденций — подчеркнуть некоторую, говоря библейским языком, «жестоковейность» своих сограждан, выпятить их противостояние христианизации не только своего города, но и Руси в целом. Потому новгородские князья Олег и Владимир противопоставляются киевским Аскольду и Ярополку как воинствующие язычники. Потому же какие-то беспорядки, сопровождавшие крещение в Новгороде и не замеченные ни киевским, ни официальным местным летописанием, превращаются в грозное восстание, едва не стоившее первым христианам жизни. «Поносная» приговорка, сочиненная недоброжелателями Новгорода, увенчала этот своеобразный памфлет против сограждан, составленный явно в пику

утвердившейся во владычных летописях концепции крещения. Когда в XIX и особенно в XX в. наступила пора новых переоценок, текст древнего полемиста вновь оказался востребован. Однако ему придали прямо

противоположный смысл. Псевдо-Иоаким показывал свой город печальным исключением — некоторые историки нового времени попытались превратить его интерпретацию событий в типичный для всей Руси пример.